

Лотос Серебристый

Александра Хартманн

Александра Хартманн
Лотос Серебристый

«Автор»

2026

Александра Хартманн

Лотос Серебристый / Александра Хартманн — «Автор», 2026

Я, Киара Марэ, любила Лаос, пускай, мой отец француз, а мать индианка, но моей родиной всегда была эта волшебная страна, где сладко пахнет пряностями и магнолиями. Здесь же я нашла свою первую любовь в лице красивого английского аристократа Эдварда Фейна. Но что он чувствует ко мне? Чем больше узнаю его, тем больше мне кажется, что я просто часть какой-то опасной игры. Тем временем ходят слухи, что Лаос больше не хочет быть частью Французского Индокитая, а это значит, что мой отец, крупный плантатор, может потерять все.

© Александра Хартманн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Дочери дома Марэ	5
Глава 2 Нападение тигра	10
Глава 3 Имя, которое звучит как музыка	16
Глава 4 Новый надсмотрщик	22
Глава 5 Побег Киары	26
Глава 6 Встреча у реки	30
Глава 7 Непримиимые враги	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александра Хартманн

Лотос Серебристый

Глава 1 Дочери дома Марэ

Наш дом стоял над рекой, на склоне изумрудного холма, среди тростниковых полей и густых садов, где по вечерам так сильно пахло жасмином, влажной землей и цветущими апельсиновыми деревьями, что у меня начинала кружиться голова. Ниже, у самой воды, одна за другой скользили лодки с длинными узкими носами, украшенные пальмовыми листьями, венками из лотосов и тонкими струйками благовонного дыма. На закате река всегда казалась мне живой — не просто широкой полосой темной воды, а существом, которое дышит, слушает и помнит.

Днем жара придавливала к земле всё: людей, собак, листья, даже мысли. Но к вечеру воздух смягчался, тени удлинялись, и мир вокруг нашего дома словно выдыхал после долгого изнурительного дня. Именно в этот час мы с Джией любили прятаться в белой садовой беседке, почти скрытой за цветущими кустами и широкими листьями тропических лиан. Беседка стояла чуть в стороне от главного дома, и если повезет, можно было успеть побыть там вдвоем до того, как начнутся отцовские распоряжения, семейный ужин и разговоры, в которых от нас требовалось больше молчания, чем слов.

В тот вечер на круглом столе уже были расставлены подносы с едой. Серебряные крышки блестели в свете ламп, стеклянные кувшины с охлажденной розовой водой покрылись мелкой испариной, на длинных блюдах лежали фрукты, ломтики жареной утки, рис, зелень и острый салат из зеленой папайи.

Джия, едва вдохнув его аромат, мечтательно прикрыла глаза.

— Мак хунг, — протянула она с таким счастьем, будто речь шла не о простом салате, а о спасении души. — Мой любимый.

Не дожидаясь ни отца, ни Даниэля, ни даже разрешения, она быстро сунула пальцы в блюдо и отправила в рот ломтик пряной папайи.

Пея, стоявшая у входа в беседку с видом стража древнего порядка, ахнула так, словно Джия совершила святотатство.

— Госпожа! Кхуаам боай! — всплеснула она руками. — Не дождавшись мужчин! Разве так ведут себя чаонинг?

Для Пеи, старой лаоски, воспитавшей нас обеих почти с колыбели, непочтение к отцу и старшим было не просто дурной манерой, а почти грехом, за который непременно последует наказание — если не от людей, то от судьбы.

Джия только рассмеялась.

— Я всего лишь попробовала немного. Не будь букой, Пея.

Нянька неодобрительно покачала головой, бормоча себе под нос что-то о распущенных девочках, которых слишком баловали и слишком мало учили страху перед миром. Я невольно улыбнулась.

Пея вечно пыталась слепить из нас образцовых молодых дам — скромных, почтительных, умеющих опускать глаза и вовремя молчать. Возможно, в ее представлении именно этого хотела бы наша мать.

Когда я думала о матери, мне всегда казалось, что даже смерть не смогла бы заставить ее жить по чьему-то готовому правилу.

Кашви Марэ умерла, когда я была совсем маленькой, и все же в доме до сих пор оставалось слишком много ее — в шкатулках с благовониями, в тонких индийских тканях, в старых фотографиях, в некоторых словах Пеи, в моем любимом красном сари, которое когда-то

принадлежало ей. Мать была наполовину индианкой, наполовину лаоской; отец — французом до кончиков ногтей, человеком, верившим в порядок, капитал и власть над всем, что можно пересчитать или подчинить.

Но как следовало воспитывать таких дочерей, как мы с Джией, не знал, по-моему, даже он сам.

Половина прислуги в доме говорила на лаосском, другая на хинди или плохом французском. Наши учителя были французами и англичанами. Отец требовал от нас европейских манер, Пея — восточной скромности, а мать, если верить обрывкам воспоминаний и чужим рассказам, учила бы нас, наверное, просто быть самими собой. В итоге мы выросли образованными, избалованными, хорошо одетыми и слишком наивными для того мира, в котором жили.

Я сидела, закинув ногу на ногу, и лениво водила пальцем по запотевшему стеклу бокала, когда Пея внезапно развернулась уже ко мне.

— Госпожа Киара, сядьте как следует! — велела она. — Вам еще новую жизнь носить, а вы так сидите, словно мальчишка.

Я скорчила гримасу, но ноги все же опустила.

Джия тут же подмигнула мне, и я не выдержала — прыснула со смеху.

Именно в этот момент в беседку вошли отец и Даниэль.

Мы с сестрой мгновенно выпрямились, точно нас дернули за невидимые нити.

Отец шел первым. Высокий, широкоплечий, уже слегка поседевший, в безупречно белом летнем костюме из тонкой ткани, которую производили на его предприятиях. Даже в вечерней жаре он выглядел собранным, сухим и властным, словно никакой климат не имел права диктовать ему свои законы. За ним следовал Даниэль.

Он недавно вернулся из Оксфорда и с первого же дня вел себя так, будто Лаос — это досадная остановка в его настоящей жизни, а наш дом — место, к которому он принадлежит лишь по ошибке. Он стал еще красивее, чем прежде, если только красоту можно было разглядеть сквозь усталость, скуку и вечно напряженный блеск глаз. От него пахло дорогим табаком, одеколоном и чем-то неуловимо опасным, как от человека, который слишком привык искать развлечения там, где другим мерещится пропасть.

Они вошли в разгаре спора.

— Исключено, Даниэль, — резко произнес отец, подходя к столу. — Я уже говорил тебе: я не дам денег на покупку этих рисовых полей. Это убыточное дело.

— Но, папа, я всё просчитал, — горячо возразил брат. — Если сейчас купить земли в долине реки Вонг и засеять их до начала следующего сезона, через год они принесут колоссальную прибыль.

Отец тяжело опустился в плетеное кресло и промокнул лоб платком.

— В той провинции недавно была эпидемия. Люди умирали семьями. Землевладельцы понесли убытки, а ты говоришь мне о выгоде, будто деньги вырастают из воздуха. Довольно. Я больше не желаю обсуждать это.

По лицу Даниэля было видно, что он готов спорить дальше, и именно поэтому отец прервал его таким тоном.

— Ты никогда не слушаешь моего мнения! — вспыхнул брат. — Я твой единственный сын, а ты обращаешься со мной так, будто я пустое место. Зачем тогда вообще требовал, чтобы я вернулся в эту дыру? Лучше бы я остался в Англии.

Его глаза блеснули нездоровым, лихорадочным светом. Я украдкой посмотрела на Джию: она застыла, как всегда за такими разговорами, стараясь быть незаметной.

— Я потребовал твоего возвращения, потому что место моего сына здесь, — холодно сказал отец. — В доме Марэ. На земле Марэ. А не в английских клубах, игорных комнатах и сомнительных компаниях.

Слуга по знаку отца шагнул вперед и начал подавать ужин. Он налил нам розовую воду со льдом, разложил по тарелкам еду, а затем поставил перед Даниэлем глубокую миску с рыбным супом.

Брат брезгливо сморщился.

— О нет, Тонтават, убери это от меня. Терпеть не могу.

И прежде, чем кто-либо успел остановить его, толкнул тарелку так, что та с грохотом полетела вниз и разбилась у босых ног слуги. Брызги супа попали на белые мокасины Даниэля.

Он резко отодвинул стул и поднялся.

— С вашего позволения, отец, я лучше поужинаю в городе.

И, не дожидаясь ответа, вышел из беседки.

Через минуту издали донесся рокот мотора его нового автомобиля, слишком дорогой игрушки, подаренной отцом на окончание университета. Звук удалялся по дорожке, а мы с Джией сидели, не смея поднять глаз.

Отец разрезал ножом кусок утки и пробормотал:

— Молокосос.

Такие сцены в нашем доме больше не были редкостью. В последние недели почти каждый день приносил новую ссору.

Долгое молчание первой нарушила Джия.

— Папа... чем так недоволен брат?

Отец жевал медленно, зло и сосредоточенно. Потом поднял глаза на нее.

— Ваш брат идиот. Вот в чем дело, Джия. Он воображает, что, раз окончил Оксфорд, уже способен руководить хозяйством. Но там его научили только транжирить деньги, пить и водиться с дрянными людьми. Он хочет сразу вложить большую сумму в предприятие, которое не сулит ничего, кроме проблем. Кто так ведет дела? Особенно теперь, когда с нью-йоркскими биржами творится черт знает что.

Мы с Джией переглянулись.

Когда отец начинал говорить о рынке, убытках и деловых рисках, лучше всего было молчать.

Остаток ужина прошел почти без слов. Только цикады трещали в темнеющем саду, да Пея бесшумно следила, чтобы слуги не ошиблись ни в одном движении.

Отец поел быстро, отложил салфетку и поднялся.

— Завтра у нас званый обед. Приедут важные гости и партнеры.

Он посмотрел прямо на Джию.

— Оденься хорошо. Никаких сари и местных тряпок. Наденешь одно из платьев, которые я привез из Вьентьяна. Ты должна выглядеть достойно.

Последние слова он произнес с особым нажимом.

Я увидела, как у сестры дрогнули губы.

— Зачем, отец? — почти шепотом спросила она.

— Потому что среди гостей будет один господин. Американец. Рой Томпсон. Очень состоятельный человек. Сделал состояние на каучуке в Бразилии. Если нам удастся заключить с ним союз, это поможет решить многие трудности, особенно после пожара на тростниковых полях.

Он сделал короткую паузу.

— Он холост.

Джия побледнела так заметно, что даже Пея насторожилась.

— И при чем здесь я? — ее глаза засверкали.

— Тебе двадцать два, — спокойно ответил отец. — В твоём возрасте твоя мать уже ждала третьего ребенка.

Джия вскочила так резко, что кресло качнулось.

— Я не знала, что ты настолько... старомоден, папа.

Отец опасно сощурился.

— Старомоден?

— Да! — голос ее дрожал. — Ты сам воспитывал нас иначе. Учил читать, говорить по-французски и по-английски, интересоваться миром. Ты позволял нам думать. А теперь вдруг решил, что женщина должна только удачно выйти замуж и рожать детей?

Я быстро поднялась и подошла к ней, чувствуя, как в воздухе сгущается гроза.

— Джия...

Но она уже не могла остановиться.

— Какая девушка сейчас, в конце двадцатых, выходит замуж только потому, что так удобнее ее отцу?

Отец побледнел от гнева, хотя голос его остался почти ровным.

— Большинство умных девушек делает именно то, что полезно их семье.

— Значит, ты собираешься выдать меня за этого американца? Теперь ты торгуешь мной, как какой-то рабыней с рынка?!

— Я не торгую тобой, лишь собираюсь познакомить тебя с человеком, который может стать для тебя выгодной партией. Постарайся ему понравиться. Пока только это.

Он направился к выходу.

— Сколько ему лет? — спросила Джия в спину.

Отец не обернулся.

— Пятьдесят два.

Когда он ушел, Джия медленно опустилась на пол беседки и закрыла лицо руками.

— Это конец, Киара... конец...

Я села рядом с ней и обняла за плечи.

— Нет, Джия. Не говори так. Отец еще ничего не решил окончательно.

— Ты сама не веришь в то, что говоришь.

Она отняла руки от лица. Щеки ее были мокры от слез.

— Если он что-то задумал, он этого добьется. Ты знаешь это не хуже меня.

Я знала.

Характер Эдмонда Марэ был известен всем, кто зависел от него хоть в чем-то. Жесткий, упрямый, властный, порой безжалостный, наверное, именно поэтому он и стал одним из тех людей, чьи имена в Индокитае произносили с уважением, завистью или страхом.

Но от знания не становилось легче.

Пея помогла Джии подняться и, ворча о том, что плакать на полу дурная примета, увела ее в дом. Я еще ненадолго задержалась в беседке одна.

Сад уже утонул в темноте, только вдоль дорожек горели лампы. Где-то вдали перекликались ночные птицы. От реки тянуло прохладой и запахом ила. За деревьями мерцали огни лодок.

Мне казалось, будто весь наш дом — с белыми стенами, черепичной крышей, широкими галереями, тростниковыми полями, конюшнями, складами и слугами, замер в ожидании чего-то страшного, неведомого, затаившегося вдали.

Этой ночью я долго не могла уснуть.

Благовония, которые Пея жгла у дверей, наполняли комнату сладким, тяжелым запахом. Москитная сетка над кроватью тихо колыбалась от слабого ветерка. Я сидела на широком балконе и смотрела на огромную луну, серебрившую реку, когда в дверь тихо постучали.

— Не спишь?

Это была Джия в длинной белой ночной рубашке, с распущенными волосами и глазами, распухшими от слез.

— Конечно нет. Иди сюда, - обрадовалась я ей.

Она вошла, и мы вместе легли поверх покрывала, опустив вокруг кровати москитную сетку, как будто она могла защитить нас не только от насекомых, но и от всего остального.

Некоторое время мы молчали.

Потом Джия тихо сказала:

— Может, мне сбежать?

Я повернула к ней голову.

— Куда?

— Куда угодно. На паром. В Сайгон. В Индию. К тетушке Чарви.

Я не удержалась от улыбки.

— Тетушка Чарви выдаст тебя замуж еще быстрее, чем отец.

Джия фыркнула сквозь слезы.

— Тогда сбежим вместе.

— Вот это уже больше похоже на хороший план.

Она слабо рассмеялась, потом снова посерьезнела.

— Я хотела другой жизни, Киара. Хотела уехать в Америку. Или хотя бы в Европу. Хотела быть самостоятельной. Теперь женщины могут жить иначе. Не только как жены и матери.

— А как же любовь? — спросила я прежде, чем успела остановить себя.

Джия сразу повернулась ко мне и, несмотря на все свое горе, расхохоталась.

— О, сестренка, ты снова перечитала французских романов.

Я почувствовала, как у меня вспыхнули щеки, и толкнула ее локтем.

— А ты стала невыносима.

— Зато ты еще веришь, что на свете бывают мужчины, которые влюбляются не в приданое.

Мы обе замолчали, но уже не так тяжело, как прежде. Иногда одного только смеха было достаточно, чтобы не дать страху окончательно овладеть сердцем.

Через некоторое время Джия прижалась ко мне.

— Мне страшно, — призналась она уже совсем тихо.

Я обняла ее крепче.

— Я с тобой.

Не знаю, поверила ли она, что этого достаточно. Но вскоре ее дыхание стало ровнее. Я погасила лампу, и мы уснули под шелест пальм за окном и далекий шум реки.

Глава 2 Нападение тигра

Утром дом Марэ просыпался неохотно, словно и сам не желал выпускать наружу всё, что скопилось в нем за ночь: недосказанные слова, слезы Джии, гнев отца, горький осадок после очередной ссоры с Даниэлем. Казалось бы, с первыми лучами солнца всё должно было стать проще, яснее, легче, но в Лаосе утро редко приносило прохладу душе, даже если дарило ее телу.

Я проснулась рано, задолго до звонка на завтрак.

Сначала лежала неподвижно, глядя сквозь прозрачную москитную сетку на побледневший балдахин, потом перевела взгляд на пустое место рядом. Джия ушла к себе еще до рассвета, стараясь не разбудить меня, но в комнате все еще оставалось ощущение ее ночного присутствия: примятый край покрывала, тонкий запах жасминового масла в волосах, тихая тревога, которой было слишком много для одного утра.

Снаружи уже слышались звуки начинающегося дня: плеск воды в медных кувшинах, голоса слуг во дворе, отдаленное покашливание конюха, крик птицы в манговом саду. Где-то за домом, со стороны полей, тянулся сладковато-зеленый запах тростника, нагретого ранним солнцем. Воздух был еще терпимым, но я знала: через час он станет густым и тяжелым, и всё вокруг снова начнет жить в полусне, ожидая вечера.

Я села на постели и опустила босые ноги на прохладный пол.

Сон не принес мне покоя. Я слишком ясно помнила лицо Джии, когда отец назвал возраст Роя Томпсона. Пятьдесят два. Сухая, безжалостная цифра. Для отца — всего лишь обстоятельство. Для Джии — приговор.

Я подошла к окну и отодвинула ставню.

Река блестела между пальмами так ярко, что приходилось щуриться. Над водой уже поднимался легкий золотистый пар, а у берега женщины в темных саронгах полоскали белье, смеясь о чем-то своем. У них были сильные руки, загорелые шеи, привычка двигаться без спешки, будто время в этом краю принадлежало не часам, а солнцу и воде.

Иногда мне казалось, что они свободнее меня.

За спиной скрипнула дверь.

Это была Пея. Она вошла беззвучно, как всегда, с медным тазом для умывания, полотенцем и тем самым выражением лица, которое означало: мир еще не рухнул, но движется в неверном направлении.

— Джия завтракала? — спросила я.

Пея покачала головой.

— Выпила чай. Ничего не ест. Плакала ночью?

— Да.

Нянька тихо цокнула языком.

— Слезы красивую девушку не красят. Особенно если на нее собираются смотреть богатые мужчины.

Я резко обернулась.

— Пея!

— Старая Пея все знает. Нет-нет, чаонинг Киара, ваша нянька старая, но не слепая.

В ее голосе не было дерзости, только усталое знание жизни.

Я плеснула себе в лицо прохладной воды и, выпрямившись, посмотрела на свое отражение в зеркале. Темные волосы рассыпались по плечам, зеленые глаза казались слишком большими на бледном от недосыпа лице.

— Пея, — сказала я уже мягче, — ты поведешь сегодня женщин в храм?

Она взглянула на меня в зеркало.

— Да, госпожа. Сегодня будут подношения монахам у речного храма.

— Я пойду с тобой.

— Это мудрое решение, - одобрила нянька, расчесывая мои волосы черепаховым гребнем, - я попрошу месье Марэ позволения взять вас с собой.

Когда Пея расчесывала мне волосы, я всегда невольно вспоминала мать.

У нее были такие же длинные, тяжелые волосы, пахнущие жасмином и чем-то терпким, что я так и не научилась различать. Иногда мне казалось, что я помню ее руки, прохладные, тонкие, с кольцами на пальцах. Иногда — что ее смех. Но чаще всего память обманывала меня, и я понимала, что люблю не столько саму мать, сколько то, что осталось от нее во мне и вокруг меня.

— Госпожа думает о госпоже Кашви, — тихо произнесла Пея.

— Откуда ты знаешь? — вздрогнула я от неожиданности.

— В такие минуты у чаонинг Киары лицо становится очень спокойным

Я встретила с ней взглядом в зеркале.

— Расскажи мне о ней.

Тонкие губы Пеи коснулась слабая улыбка.

— Покойная госпожа была подобна самому прекрасному цветку в небесных садах. Когда месье Марэ впервые увидел ее в Индии, она была в красном сари и даже не повернула голову, хотя вокруг все женщины уже смотрели только на него.

Я улыбнулась.

— Это на нее похоже.

Пея остановилась, провела ладонью по моим волосам и негромко сказала:

— Чаонинг Киара больше похожа на нее, чем думает твой отец. И это его пугает.

Я не успела ответить — во дворе раздался звон колокольчика, созывавшего нас к завтраку.

Отец уже сидел за столом на восточной веранде, разворачивая газету. Рядом с его чашкой кофе лежали очки, серебряный нож для писем и дымящаяся сигара из местного табака. Лицо у него было мрачнее обычного. Даниэль, разумеется, не появился.

Джия сидела напротив, в светлом утреннем платье, бледная и слишком тихая.

Я заняла свое место рядом с ней.

Некоторое время слышен был только шелест газетной бумаги, звон ложечки о фарфор и далекий гул насекомых в саду. Потом Пея, подливая отцу кофе, осторожно проговорила:

— Господин, позвольте мне взять чаонинг Джию и Киару на подношение даров монахам?

Отец не сразу оторвался от газеты.

— Глупости. Мы не буддисты, чтобы участвовать в подобных ритуалах.

Он перевернул страницу и нахмурился сильнее.

— Черт знает что творится на рынках.

Потом, будто продолжая разговор сам с собой, добавил:

— Но до настоящего обвала, надеюсь, не дойдет. Сегодня утром говорил с Уильямсом. Он считает, что власти вмешаются и удержат ситуацию.

Я взглянула на Джию. Она сидела, опустив глаза в тарелку, и рассеянно крошила тост, будто слова о рынках и власти доносились к ней из другого мира.

— Можно мы все же пойдем с Пеей? — спросила я. — Мы с Джией сплели венки из жасмина. Как мама нас учила.

Отец наконец поднял взгляд от газеты.

Он всегда менялся, когда слышал упоминание о матери. Не сильно, почти незаметно, но я видела: что-то в его лице становилось жестче, словно он закрывал внутри какую-то дверь.

— Ты можешь пойти, — сказал он после паузы. — Джия останется. Ей нужно готовиться к обеду.

Сестра едва заметно вздрогнула.

Я почувствовала укол вины. Мне хотелось возразить, сказать, что после вчерашнего ей как раз полезнее было бы уйти из дома хоть на час, спрятаться от мыслей, от ожидания, от страха перед незнакомым американцем. Но спорить при таком выражении лица отца было бесполезно.

— Да, отец, — тихо сказала Джия.

После завтрака я поднялась к себе в комнату и надела чоли, юбку павадаи, и далее красное сари любимое мамино.

Теперь эта одежда была мне в пору. Еще в прошлую зиму на праздник Тет приходилось ушивать чоли в груди. Теперь же я стала старше, и оно сидело идеально. Взяла плетенную тростниковую корзинку с подношением и венками жасмина и поспешила вниз.

Пея уже ждала меня. В ее корзинке лежали венки из жасмина, рис, свечи, фрукты и маленькие палочки благовоний.

Когда мы вышли из дома, солнце поднялось уже высоко, но день еще не успел стать мучительным. Сад был полон света. Влажная зелень сияла так ярко, что больно было смотреть. Работники на дальних дорожках снимали передо мной шляпы, а женщины-лаоски улыбались Пее и мне, кланяясь с той доброжелательной почтительностью, к которой я привыкла с детства, но которую никогда не могла принять спокойно.

Прямо за рекой, недалеко от полей, стоял буддийский храм, построенный на деньги моего отца.

Эдмонд Марэ отлично понимал, что щедрость к местным святыням возвращается сторицей — уважением, покоем, лояльностью рабочих и хорошей репутацией. Ему не нужно было верить в Будду, чтобы платить за золоченую кровлю и ремонт ступеней.

У храма собралось уже много людей.

Женщины в ярких саронгах держали корзины с рисом и фруктами, дети жались к их юбкам, старики сидели в тени у стены, а над всем этим поднимался легкий, терпкий дым благовоний. Лысые монахи в шафрановых одеждах двигались неспешно и бесшумно, как если бы сама жара уважала их больше, чем прочих людей.

В своем красном сари я всегда выглядела здесь немного чужой.

Лаосские женщины носили длинные саронги, сабаи через плечо, ткани других линий и складок. Но за много лет все привыкли, что сначала госпожа Кашви, а потом и ее младшая дочь приходят на праздники в индийском. Люди давно перестали удивляться. Или просто были слишком вежливы, чтобы показывать это.

Пея молилась долго и сосредоточенно.

Я вдыхала полной грудью жасминовый аромат, руки были сложены на груди в молитве. Мне хотелось мира в наш дом. Чтобы сестра стала счастливой, пошла бы тем путем, какой выберет сама, а не который ей навязал отец. Вспоминала мать, просила ее благословений. А для себя? Чего я хотела? Открыть этот мир. Не сидеть взаперти. Отправиться в путешествие. Да. Это.

Мне хотелось увидеть мир за пределами нашего дома, наших полей и приемов. Хотелось плыть куда-нибудь вниз по реке, потом дальше — в Сайгон, в Калькутту, в Париж, всё равно куда, лишь бы не прожить жизнь в ожидании того, что однажды за меня решат всё самое важное. Но вслух я не признавалась в этом даже себе. Такие желания казались слишком огромными, чтобы помещаться в молитве.

Когда подношения закончились и женщины стали расходиться, Пея подошла ко мне.

— Чаонинг, посетим еще отдаленную статую Будды? - спросила меня Пея.

— Той, что у леса?

— Да. Я обещала возжечь там благовония.

Я кивнула.

День и вправду был чудесный. Река искрилась так ярко, что казалась полосой расплавленного металла, над полями плыл легкий дымок, а в воздухе висел запах нагретой зелени. Мы взяли корзинки и пошли по узкой тропе, уходившей в сторону деревьев.

Чем дальше от храма, тем тише становилось вокруг.

Шум голосов остался позади. Ветер почти стих. Только где-то в кронах время от времени вскрикивала птица, да сухая трава шуршала под нашими ногами.

Дальняя статуя Будды стояла на небольшом каменном возвышении, почти у самой кромки леса. Здесь было меньше людей, меньше цветов, меньше порядка. У подножия лежали старые венки, потухшие палочки благовоний и огарки свечей, расплавленные жарой.

Пея опустила на колени и зашептала молитву.

Я поставила корзинку рядом, поправила край сари и огляделась.

Лес начинался совсем близко: темный, душный, полный теней, огромных листьев и шорохов. Днем он казался менее страшным, чем по вечерам, но все равно в нем было что-то настороженное, как в звере, который спит с открытым глазом.

Именно тогда я заметила движение в кустах.

Сначала мне показалось, что это солнечный блик скользнул по листьям, но потом между ветвями мелькнул длинный переливчатый хвост.

Павлин.

Настоящий, изумрудно-синий, с тяжелым шлейфом перьев, мерцающих зеленью и бронзой.

Я даже ахнула от неожиданности.

— Пея, смотри...

Но она продолжала молиться, не слыша меня.

Я шагнула вперед, потом еще раз. Совсем немного. Только посмотреть ближе.

Павлин сидел на нижней ветке дерева и косился на меня блестящим темным глазом. Его хвост свисал почти до самой земли. Такой красивый, что мне на миг захотелось рассмеяться — просто от восторга, как бывало в детстве.

Если бы мне удалось подойти чуть ближе, подумала я, Джия бы удивилась не меньше меня.

Я оглянулась.

Пея была совсем рядом. Настолько рядом, что я почти чувствовала себя в безопасности.

Я приподняла подол сари и на цыпочках шагнула к деревьям.

Лес встретил меня мгновенной духотой.

Воздух здесь был другим: влажным, почти неподвижным, пахнувшим древесной корой, соком и прелыми листьями. Где-то высоко стрекотали цикады. Под сандалиями хрустнули тонкие веточки.

Осторожно ступая по сучьям, я приблизилась к дереву. Птица, казалось, не обращала на меня внимания. Я резко подалась вперед, одной рукой схватив пестрый хвост. Но павлин дернулся и перелетел на другую ветку, оставив у меня в руке лишь одно перо.

- Ну что ж, неплохой улов, - рассмеялась я и хотела было пойти обратно.

Но тут позади меня послышался треск сучьев, и затем глухой рык. По спине пробежал холод. Нет, я не могу быть настолько невезучей. Нет, о великий Будда! Оборачиваюсь, и столбенею. Среди зарослей промелькнула рыже-полосатая шкура. Тигр!

- Пея! Там тигр! Тигр!

Я бросилась назад, цепляясь сари за сухие ветки, спотыкаясь, уже слыша позади себя тяжелое движение зверя.

Пея вскочила с колен так резко, что корзинка перевернулась, рассыпав жасминовые венки и свечи.

Из зарослей вышел старый тигр.

Одно ухо у него было разорвано, на боку местами редела шерсть, а левый глаз почти заплыл. Он был стар, болен и тем страшнее: таким зверям уже нечего терять.

Пея вскрикнула и, схватившись за голову, побежала вниз по тропе, зовя на помощь.

Я метнулась за ней, и тут же споткнулась о собственную корзину. Мир качнулся.

Я упала на землю среди рассыпавшихся цветов, риса и жасмина. Подол сари сбился, закрыв мне часть лица красной прозрачной тканью. Я судорожно попыталась подняться, но больно подвернула ногу и поняла, что не успеваю.

Это был конец.

Сквозь тонкую ткань я увидела, как тигр, пригнув голову, рванулся вперед.

Я закрыла глаза и закричала.

Выстрел грянул прямо надо мной.

Потом второй.

Третий.

Еще и еще, так быстро, что звуки слились в оглушительную очередь.

Тигр заревел страшно, яростно.

Я сжалась, закрыв голову руками. Земля дрожала, листья сыпались сверху, где-то кричала Пея.

Потом всё стихло.

Наступила такая тишина, что я услышала собственное сердце, оно билось где-то в горле.

Шаги.

Чьи-то быстрые, уверенные шаги совсем рядом.

— Are you hurt, madam?

Мужской голос. Английский. Низкий, ровный, сдержанный.

Я не ответила. Не могла.

Кто-то наклонился ко мне и осторожно отвел с лица край сари.

Свет ударил в глаза.

Первое, что я увидела, были его глаза — темно-серые, внимательные, с той сосредоточенной прохладой, которая бывает у людей, привыкших быстро принимать решения. Потом уже всё остальное: прямую линию носа, темные волосы, упавшие на лоб, загорелую кожу, белоснежный пиджак и тонкую полоску голубого галстука.

Он смотрел на меня так, будто хотел убедиться, что я не призрак. А затем, не дав мне опомниться, незнакомец встал на одно колено и подхватил меня на руки.

- Вы говорите по-английски? - спрашивает меня снова незнакомец. - Французский? - спрашивает по-французски. Потом немного подумав, добавляет на северном диалекте. - Где ваш дом, чтобы можно было вас отвезти?

Я наконец смогла вдохнуть полной грудью и посмотрела на него по-настоящему.

Это был молодой мужчина, не юноша, но и не старше тридцати с небольшим. Безукоризненно одетый, даже здесь, у леса, среди пыли, крови и растоптанных цветов. На его лице не было испуга — только внимательность и какое-то сдержанное, почти суровое участие.

Где-то вдали послышались крики.

— Чаонинг! Госпожа!

Это Пея бежала обратно с несколькими мужчинами из храма. Один нес ружье, другой — длинные вилы. Увидев меня у незнакомца на руках, нянька разрыдалась в голос.

— Госпожа! Великий Будда, вы живы!

— Отпустите меня, — прошептала я на лаосском.

Он сразу поставил меня на ноги, но так осторожно, что я поняла: он заметил мою боль.

— Вы в порядке? — повторил он, снова на английском, а затем на местном.

Я кивнула.

Пея тут же подхватила меня под руку и прижала к себе, как ребенка. Ее всю трясло. Я только сейчас почувствовала, что сама дрожу не меньше.

Позади незнакомца на траве лежал тигр.

Громадный, мертвый, всё еще страшный даже теперь.

Мужчина быстро взглянул на мою ногу, потом на Пею.

— Я могу вас подвезти, — сказал он. — Кажется, она хромот.

Нянька вытаращила на него глаза с таким выражением, будто он предложил везти нас напрямик в преисподнюю.

Садиться в автомобиль к чужому мужчине, да еще после такого, казалось моей нянюшке верхом бесстыдства. Но я и в самом деле с трудом наступала на правую ногу.

Не дождавшись согласия, он уже жестом показал в сторону дороги.

Там, за деревьями, стоял его автомобиль.

Черный кабриолет поблескивал на солнце, словно был частью совсем другого мира, мира дорогих отелей, дальних дорог, европейских столиц и мужчин, которые появляются как из воздуха в тот миг, когда смерть уже почти касается тебя.

Пея еще что-то возмущенно бормотала, но в конце концов всё-таки усадила меня в машину.

- Куда ехать? - спросил незнакомец.

- К храму у реки, - ответила Пея, недовольно косясь на него.

- Госпоже нужен врач. В том храме есть врач?

- Монахи знают, как помочь ей, - отрезала нянюшка и еще добавила одно крепкое словечко на местном диалекте.

Так что я не удержалась и улыбнулась. Незнакомец быстро взглянул на меня в зеркало заднего вида. Я сразу приняла серьезный вид и стала смотреть по сторонам.

Едва машина затормозила, Пея вскочила, словно ошпаренная и стала вытаскивать меня. Не обращая внимания на яростные взгляды няньки, незнакомец приблизился ко мне и протянул руку, помогая выйти из машины.

- Кто ты, что эта лао так заботится о тебе? - спросил он. - Где твой дом?

Темно-серые глаза смотрели на меня с волнующей страстностью, руку он мою также не отпустил. Боковым зрением я видела, что бедная Пея сейчас лопнет от стыда и ужаса, поэтому отстранилась.

- Благодарю за спасение, господин, - произнесла я на диалекте, улыбаясь и складывая руки в почтении, - да благословит ваши дни Будда.

Пея тут же схватила меня и потащила к храму, я слышала, как мотор мерседеса завелся и вскоре затих вдали.

Глава 3 Имя, которое звучит как музыка

Я лежала в кровати, обложенная подушками, с холодной повязкой на ноге. Тот тигр пришел из соседнего села, где до этого уже убивал пастухов и поедал скот. Тигр-людоед. Этим же вечером отряд из вооруженных мужчин решили прочесать лес на случай появления шакалов-падальщиков, обычно следовавших за тиграми и питающихся остатками.

Доктор Перес, маленький сухой француз с безупречно подстриженными усами и привычкой разговаривать с женщинами так, словно все мы были слишком впечатлительными существами, чтобы знать правду о собственном теле, осмотрел мою ногу, велел наложить холодную повязку и объявил, что ничего страшного не произошло.

— Растяжение, мадемуазель, — сказал он, шурясь на мою лодыжку. — Несколько дней покоя, и вы снова сможете бегать по лесам наперегонки с тиграми.

Отец только хмуро взглянул на меня при этих словах, а Пея пробормотала что-то про дурные шутки и гнев духов.

К вечеру ногу всё же стянуло тупой болью, и я была вынуждена признать, что доктор, к сожалению, оказался прав: ходить я могла, но каждый шаг отдавался неприятным укусом. Так что к тому часу, когда внизу уже начали собираться гости к обеду, я лежала в своей комнате, обложенная подушками, с влажной повязкой на ноге и чувством, которое нельзя было назвать ни досадой, ни облегчением.

Меня освободили от обязанности спускаться к гостям.

Я не знала, радоваться этому или сердиться.

С одной стороны, мне совсем не хотелось, чтобы на меня глазели люди после сегодняшнего позорного падения в лесу, о котором наверняка уже судачили все от кухарок до приказчиков. С другой, сердце моё мучительно сжималось при мысли, что там, внизу, среди отцовских гостей может быть он.

Тот самый незнакомец в белом костюме, с темно-серыми глазами и таким спокойным голосом, будто тигры, выстрелы и перепуганные девушки были для него чем-то обыденным.

Я закрыла глаза.

Стоило мне сделать это, как я снова видела тонкую полоску голубого галстука, загорелую руку на лакированной дверце автомобиля, взгляд, в котором было внимание — и что-то еще, чего я не успела понять, потому что Пея почти силой утащила меня прочь.

Он, наверное, принял меня за простую лаоску.

Или за странную полукровку, нарядившуюся в чужое сари ради какого-нибудь храма.

От этой мысли мне стало одновременно смешно и обидно.

— Чаонинг Киара, почему вы всё время улыбаетесь?

Я вздрогнула и открыла глаза.

Позади меня стояла Парамита и медленно расчесывала мои волосы. В ее темных глазах плясали насмешливые огоньки.

Парамита была самой красивой девушкой в нашем доме, не той безупречной, фарфоровой красотой, которой любовались европейцы, а живой, теплой, полной света. У нее были густые черные ресницы, гибкая фигура и та мягкость движений, которая почему-то особенно сильно действовала на мужчин. Отец давно оставил ее при доме, не отправляя в поле, и она помогала то мне, то Джии, то Пее, успевая при этом узнавать все новости раньше остальных.

— Разве я улыбаюсь? — спросила я.

— Еще как, — ответила она и кивком указала на зеркало. — Посмотрите сами.

Я повернула голову.

И правда улыбалась.

Улыбка была странная — рассеянная, невольная, будто явилась на лицо сама по себе, без моего разрешения.

— Это ничего не значит, — пробормотала я.

— Конечно, не значит, — с готовностью согласилась Парамита. — Просто чаонинг чуть не съел тигр, а теперь она лежит и улыбается в подушки. Очень обычное дело.

Я метнула в нее грозный взгляд, но она только рассмеялась.

— Уж не повстречала ли госпожа своего хак?

— Что за глупости, — сказала я, чувствуя, как к щекам приливает жар. — Где, по-твоему, я могла его встретить?

Парамита наклонилась ко мне ближе и прошептала с преувеличенной таинственностью:

— Чан видела, как белый господин нес вас на руках. У нас после такого мужчина идет к родителям девушки просить благословения.

— Перестань немедленно.

Я прижала ладони к лицу, которое, наверное, уже пылало.

— Он просто помог мне. Я подвернула ногу.

— Конечно, — кротко сказала Парамита.

Тон ее был таким невинным, что мне немедленно захотелось бросить в нее подушкой.

Вместо этого я протянула руку к вееру.

— Подай мне его.

Она послушно вложила в мои пальцы японский веер и отошла к туалетному столику, чтобы зажечь палочку благовоний.

В этот момент в дверь постучали.

Вернее, только обозначили стук, потому что, не дожидаясь ответа, отец уже вошел в комнату.

Парамита мгновенно выпрямилась и сложила руки на груди. Отец жестом велел ей уйти, и она бесшумно выскользнула за дверь, бросив на меня быстрый, сияющий любопытством взгляд.

— Как нога? — спросил отец, подходя к кровати.

— Лучше, папа.

Он посмотрел на повязку, потом на меня.

— Доктор Перес говорит, ничего серьезного. Пару дней покоя и будешь в порядке.

— Я и сама это чувствую.

— Так кто убил того тигра? Работники болтают каждый свое. Вроде бы это был европеец. Я кивнула.

— Да, папа. Тигра убил англичанин из револьвера. Он был одет в светлый костюм и управлял кабриолетом

Отец вскинул брови.

— Неужели Фейн! Ну и ну. А почему ничего не сказал? Странные эти англичане.

Чувствую, как начинает сильнее биться сердце.

— Кто он такой, папа?

— Эдвард Фейн. Английский лорд. Приехал сюда недавно. Говорят, скупает рудники на западе и собирается ввязаться в какое-то предприятие с французами. Упрямый человек. И, судя по всему, удачливый.

Имя прозвучало в комнате, и я тихо повторила его про себя.

Эдвард Фейн.

Оно и впрямь было музыкальным — холодным, ровным, чуть чужим.

Отец присел на край кровати и, должно быть, заметил что-то на моем лице, потому что выражение его стало жестче.

— Даже не думай о глупостях, Киара.

Я подняла на него глаза.

— О каких именно?

— О тех, которые ты всегда успеваешь надумать быстрее, чем следует.

Он взял меня пальцами за подбородок, не грубо, но твердо.

— Я знаю таких людей. Особенно англичан, которые вдруг начинают поправлять свои дела в колониях. Он, возможно, храбр, раз полез на тигра, но храбрость еще не делает мужчину подходящей партией.

— А я и не говорила о партиях.

— Пока нет.

Я отвела взгляд, и отец отпустил меня.

— У него есть имя, титул и, скорее всего, большие долги или большие амбиции, — продолжал он. — Такие люди женятся не по сердцу, а по расчету. Если и станет искать жену, то такую, которая принесет капитал, связи и гарантию. Не обольщайся.

Я молчала, водя пальцем по резной ручке веера.

Мне хотелось возразить, сказать, что он ничего не понимает, что один-единственный взгляд иногда говорит больше всех расчетов. Но я слишком хорошо знала: отцу бессмысленно возражать, когда он убежден в своей правоте.

К тому же я не могла признаться даже самой себе, до чего сильно меня задела его сухая, почти деловая оценка того человека, который всего несколько часов назад держал меня на руках так бережно, словно боялся причинить боль.

В дверь снова постучали, и на этот раз, дождавшись разрешения, вошла Джия.

Она замерла на пороге, увидев отца, и быстро опустила глаза.

На ней было платье из светло-зеленого шелка, с модно заниженной талией и узким рядом жемчужных пуговиц на боку. Цвет делал ее лицо еще нежнее, а глаза — ярче. Но даже с румянами на щеках было видно, как она устала.

— Что ты застыла? — сказал отец. — Проходи. Поговори с сестрой. И вразуми ее, раз уж ты старшая.

Джия перевела на меня недоуменный взгляд.

— Да, отец.

Он поднялся.

У самой двери обернулся и бросил, уже почти раздраженно:

— Когда поправишься, поедешь со мной благодарить мистера Фейна. Я не люблю оставаться у кого бы то ни было в долгу.

С этими словами он вышел.

Едва дверь закрылась, я приподнялась на локтях.

— О чем это он?

Но Джия уже подошла к кровати и села рядом, не отвечая.

Только теперь я увидела, что ресницы у нее потемнели от слез, а губы сжаты слишком плотно.

— Как всё прошло? — спросила я тише.

Она пожала плечами.

— Как могло пройти?

— Он был ужасен?

— Нет, — сказала Джия после паузы. — В том-то и дело, что нет.

Это удивило меня так сильно, что я даже забыла на миг о собственных волнениях.

— Рой Томпсон не показался мне чудовищем, — продолжила сестра. — Он вежлив, умен и совсем не похож на тех пошлых стариков, какими я воображала американских богачей. Он почти не отходил от меня, расспрашивал о книгах, о поездках, говорил про Сайгон, про

Бразилию... Даже предложил, чтобы после свадьбы я какое-то время жила у него на вилле под Сайгоном, прежде чем мы уедем дальше.

Я осторожно сжала ее руку.

— Но?

Джия повернулась ко мне.

— Но ему пятьдесят два года, Киара.

Голос ее дрогнул.

— Он всего на два года младше отца. Как мне переступить через это? Как представить, что этот человек станет моим мужем?

Глаза ее наполнились слезами, и я, забыв про боль в ноге, придвинулась ближе и обняла ее.

— Джия, не плачь. Пожалуйста. Мне больно смотреть, как ты плачешь.

— А мне больно думать о том, что ждет меня дальше.

Она уткнулась лбом мне в плечо. Я начала гладить ее по волосам, как делала всегда, когда мы были детьми и ей снился дурной сон.

— Может, отец еще передумает, — прошептала я, хотя сама не верила в это.

— Нет, — отозвалась она. — Если он что-то решил, он будет идти до конца.

Некоторое время мы сидели молча.

Потом я вспомнила:

— Папа сказал, что за обедом был мистер Фейн.

Джия чуть отстранилась и посмотрела на меня с таким выражением, что мои щеки снова вспыхнули.

— Был.

— И?

— И он очень красив.

Я отвела взгляд.

— Джия.

— Что? Это правда. Высокий, сдержанный, безупречно вежливый. Из тех мужчин, которые почти ничего не говорят лишнего, но их всё равно замечают сразу.

— Ты нарочно меня мучаешь.

Она впервые за весь вечер чуть заметно улыбнулась.

— А разве ты не хочешь знать?

Я молчала.

— Он много говорил с отцом и с Роем Томпсоном, — продолжала сестра уже серьезнее. — Со мной тоже был очень учтив. Спрашивал, бывала ли я в Англии, люблю ли я крикет... словом, всё, что полагается спрашивать хорошо воспитанному англичанину, чтобы не показаться ни слишком холодным, ни слишком любезным.

— И всё?

— Нет.

Она поколебалась.

— Мне показалось, что они с Даниэлем терпеть друг друга не могут.

Я подняла голову.

— Почему ты так решила?

— Когда отец представил их друг другу, Даниэль протянул ему руку, а мистер Фейн помедлил. Совсем немного, но я заметила. И Даниэль тоже заметил. А потом весь обед они разговаривали так, будто под словами у них спрятаны ножи.

В груди у меня странно похолодело.

— Может, они знали друг друга в Англии?

— Может быть. Отец сказал мне только, что младший брат мистера Фейна когда-то учился вместе с Даниэлем.

Мы обе замолчали, каждая думая о своем.

Мне вдруг вспомнилось, как Эдвард смотрел на меня у храма, как бережно поставил на землю, как снова и снова пытался заговорить, не зная, кто я такая. И рядом с этим воспоминанием слова Джии о скрытой неприязни между ним и Даниэлем звучали странно, тревожно, будто откуда-то издалека донесся первый глухой удар грозы.

— Ты опять улыбаешься, — сказала сестра.

— Нет.

— Да.

— Замолчи.

Джия тихо рассмеялась — не весело, но уже не так безнадежно, как раньше.

— Значит, он тебе понравился.

Я уткнулась лицом в подушку.

— Мы почти не говорили.

— Это не ответ.

— Джия!

— Хорошо, хорошо.

Она легла рядом поверх покрывала, как накануне ночью, и уставилась в потолок.

— Знаешь, если бы мне встретился мужчина, который убил тигра и потом нес меня на руках, я бы, наверное, тоже много о нем думала.

Я толкнула ее плечом, и она снова засмеялась.

Так мы и проговорили до поздней ночи, уже тише, уже без прежних слез, хотя тревога никуда не ушла.

Джия рассказывала о гостях, о сплетнях, привезенных из Вьентьяна и Сайгона, о разговорах мужчин после обеда, которые доносились в гостиную сквозь распахнутые двери. Где-то на севере и востоке опять говорили о волнениях, нападениях на французских чиновников, о каких-то казнях, о мятежных провинциях.

— Адмирал Бушар уверял, что всех зачинщиков уже наказали, — сказала Джия. — Но, по-моему, это только значит, что дальше будет хуже.

— Тебя это правда волнует? — спросила я.

— Не знаю, — честно ответила она. — Но, когда мужчины начинают говорить о спокойствии слишком уверенно, мне всегда кажется, что спокойствие скоро закончится.

Я повернулась к окну.

Над рекой уже взошла луна. Ветер едва шевелил ставни, и в комнате пахло сандалом, воском и чуть уловимой ночной сыростью.

— А мистер Фейн? — спросила я как можно безразличнее.

Джия сразу повернула голову ко мне и хитро сощурилась.

— Что именно мистер Фейн?

— Ничего. Просто... как тебе показалось, какой он?

— Опасный, — ответила она неожиданно.

Я растерялась.

— Почему?

— Потому что слишком хорошо владеет собой. Такие люди редко делают что-то случайно. И все же он показался мне искренним человеком.

Я долго думала над этими словами.

Когда Джия наконец задремала рядом со мной, я еще какое-то время лежала без сна и слушала, как перекликаются в саду ночные птицы.

Эдвард Фейн.

Я повторила это имя беззвучно, одними губами.
И сама не заметила, как снова улыбнулась в темноту.

Глава 4 Новый надсмотрщик

На следующее утро дом снова жил так, словно в нем ничего не случилось.

Слуги скользили по галереям с подносами и кувшинами. На кухне стучали ножи. Из сада тянуло свежестью мокрой травы и тяжелым ароматом цветущих деревьев. Со стороны полей доносились голоса рабочих, редкий окрик надсмотрщика и скрип телег. Всё было как всегда, и все же мне казалось, будто после того тигра мир чуть сдвинулся, только никто, кроме меня, этого пока не замечает.

Нога болела меньше, и после завтрака мне уже позволили спуститься вниз.

Отец сидел в кабинете за высоким резным столом из темного дерева. Комната эта всегда казалась мне слишком тяжелой: зеленые жалюзи, охотничьи литографии на стенах, массивные шкафы с книгами по коммерции и праву, сейф в углу, запах кожи, табака и бумаги. Здесь не было ничего от матери. Всё принадлежало отцу, даже воздух.

Когда мы с Джией вошли, он курил сигару и просматривал какие-то бумаги. Напротив стоял Даниэль, с расстегнутым воротом рубашки и встревоженным выражением лица, которое тот пытался скрыть привычной скучающей насмешкой.

— На следующей неделе мы едем во Вьентьян, — произнес отец, даже не посмотрев на нас. — Губернатор устраивает матч по поло. Будет вся знать.

Он говорил так, словно объявлял не о поездке, а о военной кампании.

Даниэль держал в руках один из отцовских финансовых отчетов и хмурился всё сильнее.

— Отец, — сказал он, — ты вложил почти все деньги, полученные с последней продажи риса, в американские бумаги?

Отец вынул сигару изо рта и неторопливо стряхнул пепел.

— И что с того?

— Так не делают.

В голосе Даниэля звучало раздражение, но под ним я расслышала еще кое-что — настоящее беспокойство.

— Нельзя класть все в одну корзину. Особенно сейчас. Даже в Оксфорде это понимают.

Отец коротко усмехнулся.

— В Оксфорде, как я вижу, тебя научили только красивым словам и сомнительным привычкам. Эти бумаги самые надежные из того, что сейчас есть на рынке. Остальными скоро можно будет разве что подтираться.

Даниэль моргнул.

— Ты что-то знаешь?

Отец не ответил сразу. Только затянулся и выпустил дым в полуоткрытое окно.

Потом наконец поднял взгляд и остановил его на нас с Джией.

— Это не для женских ушей. Ступайте.

Мы одновременно присели в коротком поклоне и вышли так быстро, как только позволяли приличия. Только оказавшись в коридоре, Джиея облегченно выдохнула.

— Когда мужчины начинают говорить о деньгах таким тоном, мне всегда хочется бежать куда-нибудь очень далеко.

— В Америку? — спросила я.

— Хотя бы в сад.

Мы обе невольно улыбнулись и пошли по галерее к лестнице, ведущей в заднюю часть дома.

Сад после душного кабинета отца показался мне почти праздником. Воздух здесь был легким, с зеленой прохладой листвы и редкими всплесками света на влажных дорожках. Где-

то в манговых кронах перекликались птицы, а из дальней части двора доносилось монотонное постукивание — кто-то чинил ящики для перевозки.

— Чем займемся сегодня? — спросила я.

— Поедем к Тале, — сразу ответила Джия, словно решение давно уже созрело в ней. — Она вернулась из Парижа и наверняка умирает от желания рассказать обо всех, кто там развелся, разорился или завел нового любовника.

— И поставить свои пластинки, — оживилась я. — Если она снова включит чарльстон, я потребую у нее урок.

— Потребуешь? — рассмеялась Джия. — Ты и без того танцуешь так, будто родилась в Нью-Йорке.

— Вовсе нет. Я танцую лучше.

Мы как раз поднимались к себе переодеваться, когда у дверей моей комнаты нас встретила Парамита.

Она несла свежесглаженное платье и, заметив нас, остановилась с тем самым видом, который всегда означал: ей известно нечто интересное, но она готова помучить нас прежде, чем рассказать.

— Чаонинг, машина будет готова через полчаса, — сообщила она.

— Тогда спасай меня, — сказала я, входя в комнату. — Я не знаю, что надеть.

На кровати уже лежал настоящий цветной хаос: шелк, шифон, кружева, бисер. Модные платья, привезенные отцом из Вьетнама и Сайгона, казались мне иногда слишком европейскими для нашей жары и слишком открытыми для вкуса Пеи, но отказаться от них значило бы немедленно навлечь на себя семейную бурю.

Я взяла в руки два платья — одно оттенка чайной розы, другое бледно-голубое.

— Какое?

Парамита задумчиво посмотрела сначала на одно, потом на другое.

— Госпоже идет всё, — ответила она.

— Это не помощь.

— Тогда чайная роза, — сдалась она, улыбаясь. — В нем вы похожи на цветок.

— Она всегда так говорит, когда не хочет выбирать, — заметила Джия, садясь у зеркала, чтобы поправить шляпную ленту.

Сегодня она надела белое платье, узкое в бедрах и свободно падавшее к коленям, с длинной ниткой жемчуга на груди. На ее губах была яркая красная помада, и, хотя я знала, что внутри у нее всё еще тяжело после разговора о Рое Томпсоне, выглядела она ослепительно.

Я уже собиралась надеть серьги, когда вдруг заметила на запястье Парамиты тонкий браслет — простой, медный, с маленькой подвеской в виде листа.

— Что это? — спросила я, сразу забыв о серьгах.

Парамита смутилась так мило, что Джия мгновенно поднялась с места.

— Покажи.

Мы обе уставились на браслет с тем суровым интересом, с каким генералы, наверное, изучают карту перед сражением.

Щеки Парамиты порозовели.

— Это... подарок.

— От кого? — спросили мы почти одновременно.

Она опустила глаза.

— От Донга.

Перед моими глазами сразу возник долговязый молодой рабочий с темными, решительными глазами и сильными руками. Я несколько раз видела его на полях и в конюшнях. Он всегда почтительно кланялся нам, но смотрел на Парамиту так, будто для него остального мира попросту не существовало.

— Так он всё-таки решился, — пробормотала Джия.

— И уже ходил к родителям, — призналась Парамита. — Отец согласился. Я приняла подарок.

Мы с Джией переглянулись и одновременно расплылись в улыбках.

— Значит, скоро в доме будет свадьба, — сказала я.

— Только не говорите Пее, — испуганно шепнула Парамита. — Она начнет плакать от счастья и заставит меня три дня подряд готовить подношения.

Я рассмеялась.

— Мы сохраним твою тайну. Пока.

Парамита уже открыла рот, чтобы ответить, но тут в коридоре раздались мужские шаги. Тяжелые, неторопливые. Такие шаги не принадлежали ни одному из наших привычных слуг.

Мы вышли из комнаты почти одновременно.

У самого входа в дом стоял незнакомый мужчина.

На нем была простая рубаша и темные штаны. В руке он держал короткий черный хлыст и лениво, почти играючи, проводил пальцем по кожаному ремешку. Лицо у него было узкое, смуглое, с тонкими усами и прищуренными глазами, в которых жило что-то холодное и неприятное. Он жевал табак или бетель — я не поняла, — и даже в том, как он стоял, чувствовалась дерзкая самоуверенность.

Едва увидев его, Парамита так резко отступила назад, что почти спряталась за моим плечом.

Я почувствовала, как напряглась Джия рядом со мной.

— Кто вы такой? — спросила она по-лаосски.

Мужчина склонил голову в почтительном, но не слишком глубоком поклоне.

— Чао Конг, — ответил он. — К господину Марэ.

Вьетнамец.

Я не смогла бы объяснить, почему именно это слово мгновенно сделало его еще опаснее в моих глазах. Возможно, дело было в том, как отец и его гости говорили о волнениях во Вьетнаме; возможно, в том, как сам Чао Конг держался, не как человек, просящий место, а как тот, кто уже знает себе цену и не собирается никому угодать.

Из кабинета выглянул отец.

— Конг! — бросил он. — Идите сюда.

Потом увидел нас. Его взгляд скользнул по нашим платьям, перчаткам и шляпкам.

— А вы куда собрались?

— К Тале Вилар, папа, — ответила я. — Она недавно вернулась из Парижа.

— Знаю, — сухо сказал отец. — И наверняка снова будет устраивать свои бессмысленные танцы с праздной молодежью.

— Мы ненадолго, — быстро вставила Джия.

— Вернетесь к обеду.

Она чуть заметно помрачнела.

— Так рано?

— Да, так рано. На обед приедет мистер Томпсон.

При имени американца лицо Джии почти не изменилось, но я всё равно увидела, как сжались ее пальцы на сумочке.

Отец уже собирался скрыться в кабинете, когда я заметила: Чао Конг, проходя мимо, на одну короткую секунду остановился и посмотрел прямо на Парамиту. Не как слуга смотрит на девушку из хозяйского дома. Не как мужчина смотрит на красивую женщину. А как хищник приценивается к тому, что считает возможной добычей.

Парамита побледнела так сильно, что это было заметно даже под ее смуглой кожей.

Я инстинктивно шагнула чуть в сторону, заслоняя ее собой.

— Кажется, отец ждет вас, господин Конг, — сказала я по-французски.

Он перевел взгляд на меня.

И этот взгляд мне не понравился еще больше, чем прежний.

В нем была не просто наглость, а что-то вызывающе пристальное, словно он проверял, испугаюсь ли я первой. Потом уголок его рта чуть дернулся, и он всё же пошел в кабинет.

Только когда дверь за ним закрылась, Парамита шумно выдохнула.

— Кто это был? — спросила Джия.

— Новый надсмотрщик, госпожа, — еле слышно сказала Парамита. — Господин нанял его на прошлой неделе.

— Вьетнамца? — переспросила я.

Она кивнула.

— И вы боитесь его? — спросила Джия.

Парамита быстро опустила глаза.

— Он... нехороший человек.

Больше она не сказала ничего, но этого было достаточно, чтобы по спине у меня пробежал неприятный холод.

Через несколько минут мы уже сидели в автомобиле.

За рулем, как всегда, был Рахул, наш шофер-индеец в аккуратном красном тюрбане. Машина мягко тронулась по дороге, оставляя позади белый дом Марэ, зеленые поля и тень манговой аллеи.

— Не понимаю, зачем отцу понадобился такой человек, — сказала Джия, как только мы выехали за ворота. — Можно только представить, какими методами он будет держать работников в повиновении.

Я смотрела в окно, но перед глазами у меня всё еще стояло лицо Парамиты, и тот короткий, липкий взгляд Чао Конга.

— Возможно, именно поэтому отец его и нанял, — тихо сказала я.

Джия ничего не ответила.

За окнами тянулся Лаос, ослепительно прекрасный и будто бы совершенно равнодушный к человеческим страхам. Зеленые долины уходили к фиолетовым холмам, река сверкала меж деревьев, а на горячем голубом небе не было ни облачка.

Иногда мне казалось, что в такой красоте не может случиться ничего по-настоящему дурного.

Но в последнее время это чувство всё чаще меня обманывало.

Я откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Передо мной на миг снова возникло другое лицо — не узкое и жесткое, как у Чао Конга, а спокойное, светлоглазое, с падающими на лоб каштановыми волосами.

Эдвард Фейн.

И я вдруг поняла, что думаю о нем всякий раз, когда мне становится тревожно, как будто одно воспоминание о нем способно отогнать тень другого.

Это было глупо.

Именно поэтому я не призналась бы в этом даже Джии.

Глава 5 Побег Киары

Вилла семьи Вилар стояла на окраине Вьентьяна, если, конечно, это место вообще можно было считать частью города, а не отдельным маленьким королевством, где царили французские привычки, лаосская жара и деньги, способные превратить дальнюю колонию в подобие легкомысленного европейского сна.

Дом был большой, светлый, с широкими ставнями, высокими окнами и длинной террасой, выходившей на зеленую долину. Вокруг тянулся сад с ухоженными дорожками, пальмами, белыми каменными вазами и клумбами, где росли такие цветы, названий которых я никогда не могла запомнить, хотя видела их десятки раз. Всё здесь было слишком красивым, слишком устроенным и слишком беспечным, именно поэтому я всегда любила бывать у Талы.

Едва наш автомобиль остановился у подъезда, как входная дверь распахнулась и на ступени выбежала сама хозяйка дома.

Тала Вилар была из тех девушек, которые входят в комнату так, будто заранее знают: все взгляды вот-вот обратятся на них. Тала была совершенной француженкой без смещения кровей: тонкое лицо, живые темно-синие глаза, изящный нос, бледная кожа, коротко подстриженные по последней моде волосы, тщательно уложенные под шляпкой. И при этом в ней было столько дерзкой, молодой энергии, что рядом с ней невозможно было долго оставаться серьезной.

— Джия! Киара! — воскликнула она, целуя нас по очереди и обдавая густым, сладковато-пудровым ароматом Chanel No. 5. — Ну наконец-то. Я уже начала думать, что вы совсем одичали на своих плантациях и перестали узнавать музыку.

— Ты же только вчера вернулась из Парижа, — заметила Джия.

— И именно поэтому вы должны немедленно меня выслушать, — отрезала Тала, хватая нас под руки. — Идемте. Я умираю от желания рассказать всё сразу.

Из дома уже доносилась музыка.

Не тихая, как подобает благовоспитанному утреннему визиту, а живая, почти вызывающая с ритмом, от которого ноги сами вспоминали, что созданы не только для чинной ходьбы по галереям. Мы вошли в просторную гостиную, и я на мгновение остановилась на пороге.

Комната была полна молодых людей.

Не много, но достаточно, чтобы сразу понять: Тала, как всегда, преуменьшила масштаб своего «маленького сбора». Повсюду смеялись, двигались, перекрикивали музыку, тянулись к подносам с шампанским и лимонадом. Патефон в углу играл фокстрот, и двое парней уже пытались вовлечь в танец двух хохочущих девушек в платьях с бахромой.

— Ты сказала, что здесь будет совсем немного людей, — пробормотала Джия мне на ухо.

— Здесь и есть немного, — беззаботно отозвалась Тала, подслушав. — Всего-то человек пятнадцать. Я проявила удивительную сдержанность.

Она выхватила у проходящего боя два бокала с шампанским и сунула их нам.

— Держите. Вам это понадобится.

Обычно я не пила до полудня, но в тот день даже пузырьки в бокале казались частью особенной, беззаботной магии, которую умела создавать только Тала.

В гостиной было жарко, шумно, накурено, но приятно. За распахнутыми окнами колыхались шторы, и оттуда время от времени тянуло горячим ветром с запахом листьев и пыли. Пол блестел так ярко, будто его натерли с самого рассвета. На диванах валялись шелковые шали, длинные перчатки, чьи-то сумочки. На маленьких столиках уже теснились тарелки с фруктами, пирожными и бокалами, из которых никто толком не пил до конца.

— Киара Марэ? — спросил высокий молодой человек с волнистыми светлыми волосами, появляясь передо мной так внезапно, будто вырос из воздуха.

Я кивнула.

— Франсуа Герен. Кузен Талы. И ваш покорный слуга, пока звучит музыка.

Не дожидаясь моего согласия, он слегка поклонился и протянул руку. Я едва успела отдать пустой бокал проходящему слуге, как Франсуа уже увлек меня в середину комнаты.

Играл чарльстон.

Если бы отец мог увидеть нас в ту минуту, он, наверное, лишился бы последних остатков душевного спокойствия. Девушки высоко поднимали руки, смеялись, сбивались с ритма, снова входили в него. Бахрома на платьях дрожала и взлетала в такт шагам. У кого-то слетела лента с волос. Кто-то слишком громко крикнул от восторга. И всё это было так далеко от размеренной правильности дома Марэ, что я почти сразу почувствовала себя счастливой.

После нескольких танцев мы с Джией уже сидели на широкой террасе, где ветер всё-таки был чуть милосерднее, и переводили дыхание. Перед нами открывался вид на долину, ярко-зеленую, залитую солнцем, уходящую к далеким лиловым холмам. Внизу серебрилась полоска воды. За спиной всё еще играла музыка, а рядом, на подушках и плетеных креслах, расположились остальные гости.

Франсуа и его темноволосый друг, имени которого я так и не запомнила, решили, видимо, что ухаживать за нами с Джией их священный долг. Они без конца подносили то тарелку с нарезанным ананасом, то новый бокал, то холодный лимонад.

— И тогда я говорю ему: «Домчи, брат, быстрее, мне в порт», — вещал Франсуа, доводя Джию почти до слез смеха. — А он оборачивается и отвечает мне на чистейшем французском: «Простите, месье, но я не рикша».

Джия, смеясь, прижала пальцы к губам.

Я тоже смеялась, так, что у меня сводило живот. После тяжести последних дней мне вдруг сделалось почти стыдно за то, как легко может вернуться радость. Будто она только и ждала подходящей музыки, шампанского и общества достаточно беспечных людей, чтобы снова захватить меня целиком.

Тала сидела чуть поодаль на низком диванчике, вытянув ноги в шелковых туфлях, и курила через длинный мундштук с тем видом, который позволителен только девушке, воспитанной так, словно мир был создан в первую очередь для ее удовольствия.

— Всё-таки я вам скажу, — проговорила она, выпуская тонкую струйку дыма, — Лаос — очаровательная дыра.

Кто-то из парней расхохотался.

— Ты только вчера вернулась, а уже оскорбляешь страну, которая кормит твою семью.

— Я не оскорбляю, а констатирую, — отрезала Тала. — Что здесь есть? Жара, духота, комары, скучные чиновники и бесконечные разговоры мужчин о налогах. Париж — вот столица мира. Всё остальное — лишь предместья.

— Англичане с тобой бы поспорили, — заметил Франсуа.

— Англичане ничего не понимают в настоящем шике, — сказала Тала. — Назовите мне хоть одного великого британского модиста. Ну? Вот именно. Шанель и Скиапарелли — вот имена, которым подчиняется весь свет.

— Кузина, ты ведь говорила, что сегодня ждешь какого-то англичанина, — лениво протянул Франсуа, подмигивая ей. — Пусть придет и защитит честь своей нации.

Тала улыбнулась уголком губ, явно довольная произведенным эффектом.

— Не просто англичанина, — сказала она. — Лорда.

Внутри у меня что-то едва заметно дрогнуло.

— Уж не мистера ли Фейна? — спросил кто-то.

— Именно, — ответила Тала, стряхивая пепел в пепельницу. — Эдвард Фейн. Отец виделся с ним по делам и настоял, чтобы я его пригласила. Говорит, он полезный человек.

Полезный человек.

Я почти не слышала больше ничего из того, что говорили вокруг.

Имя прозвучало так буднично, так просто, и в то же время у меня мгновенно похолодели пальцы в шелковых перчатках. Я перевела взгляд на Джию.

Она, заметив это, едва заметно улыбнулась мне и чуть пожала плечами, будто говоря: ну вот, твоя судьба сама идет к тебе навстречу, и что ты теперь будешь делать?

Я и сама не знала.

Мне казалось, что я одновременно хочу увидеть его и совершенно этого не вынесу.

— Ты бледнеешь, — тихо заметила Джия.

— Мне жарко.

— Разумеется.

Я отвернулась к долине, пытаюсь унять вдруг участившееся сердцебиение.

Что, если он меня узнает?

Что, если не узнает?

Что, если решит, что я нарочно скрыла от него, кто я такая?

Что, если, наоборот, вообще не думал обо мне с того самого часа у леса?

Все эти вопросы налетели сразу, глупые, бесполезные, мучительные.

И именно в этот миг снизу, со стороны подъездной аллеи, донесся звук мотора.

Тала мгновенно поднялась и подошла к перилам террасы.

— А вот и он.

После этих слов я уже не помнила, как встала.

Кажется, бокал в моей руке чуть дрогнул. Кажется, Джия что-то сказала мне вполголоса. Кажется, музыка всё еще играла. Но всё это стало вдруг таким далеким, словно происходило по ту сторону стекла.

Я увидела, как на дорожке останавливается темный автомобиль. Увидела мужскую фигуру, выходящую из него.

Белый костюм.

Прямая осанка.

Темные волосы.

Мне показалось, что воздух вокруг стал гуще и я не могу вдохнуть.

— Киара? — тихо сказала Джия.

Но я уже резко повернулась и почти бегом пошла вглубь дома. Не знаю, чего я хотела: скрыться, успокоиться, исчезнуть или просто выиграть несколько лишних секунд. Я только чувствовала, что не могу вот так, сразу, выйти к нему навстречу вместе со всеми, словно между нами ничего не было кроме формального знакомства, которого, по правде говоря, и не состоялось.

Я скользнула за колонну в холле и прижала к груди сумочку.

Через несколько мгновений в дом вошел он.

Голоса гостей оживились. Кто-то засмеялся. Тала с привычной грацией хозяйки протянула ему руку.

— Мистер Фейн, какая честь.

— Мисс Вилар, — ответил он с легким поклоном, и даже отсюда я услышала его голос. Тот самый. Ровный, негромкий, такой, который почему-то запоминается телом быстрее, чем памятью.

— Надеюсь, на этот раз вы скажете, что приехали ради меня, а не по настоятельной воле моего отца, — кокетливо заметила Тала.

— Боюсь, это поставило бы меня в положение лжеца, — отозвался он.

Раздался смех.

Я стояла за колонной, почти не дыша.

Он был всего в нескольких шагах, и всё же мне казалось, будто между нами растянулась целая пропасть: храм, лес, тигр, автомобиль, мой красный шарф, его непонимание, кто я такая.

Джия оказалась рядом раньше, чем я успела ее позвать.

— Что ты делаешь? — шепнула она. — Прячешься?

— Да.

— Это нелепо.

— Я знаю.

— Тогда выйди.

— Не могу.

Она посмотрела на меня с тем терпеливым отчаянием, какое бывает только у старших сестер.

— Киара, если он тебя узнает, это хорошо. Если не узнает, тем более нужно, чтобы вы наконец познакомились как следует.

— Нет.

— Ты ведешь себя как ребенок.

— Возможно.

Джия собиралась сказать что-то еще, но в этот момент к ней уже обратился Эдвард.

— Мисс Марэ.

Я вся сжалась.

Он стоял совсем близко, я видела только часть его плеча и линию щеки, потому что всё еще пряталась за колонной, как последняя трусиха.

— Рад снова видеть вас, — сказал он Джии.

— Взаимно, мистер Фейн.

Ее голос прозвучал удивительно спокойно, и я мысленно благословила сестру за эту выдержку.

— Как вам прием у мисс Вилар? — спросила она.

— Достаточно оживленный, чтобы пожалеть о своем опоздании.

Я слышала, как он слегка повернулся, вероятно, оглядывая комнату.

— Надеюсь, ваша сестра тоже здесь?

У меня внутри всё оборвалось.

— Киара? — переспросила Джия ровным тоном. — Кажется... нет. Она плохо себя чувствовала и потому осталась дома.

Лгать у Джии получалось куда лучше, чем у меня.

— Жаль, — сказал Эдвард после короткой паузы.

Джия повела его дальше, к гостям, к террасе, к разговорам о рудниках, Париже и бог знает о чем еще. Я подождала несколько секунд, а потом, воспользовавшись тем, что все были отвлечены, быстро выскользнула из холла, спустилась по боковой лестнице и почти бегом направилась к автомобилю.

Рахул, увидев меня одну, удивленно распахнул глаза.

— Домой, — сказала я, опускаясь на сиденье.

— Но, чаонинг, ваша сестра...

— Сестра вернется позже. Поезжай.

Машина мягко тронулась.

Только когда вилла Вилар скрылась за деревьями, я позволила себе выдохнуть и откинуться на спинку сиденья.

Сердце всё еще колотилось слишком быстро. Ладони были холодными.

Я закрыла глаза и попыталась успокоиться.

Но вместо покоя пришло совсем другое чувство — досада. На собственную трусость.

На то, что я уехала, даже не дав ему возможности увидеть меня и узнать.

Глава 6 Встреча у реки

Едва я вернулась домой и сняла платье, надев простое сари, пришла Пея и повела меня к реке, где уже собралось много женщин, сразу узнала среди них личико Парамит. На зеленой траве на круглых подносах лежали свежесрезанные бутоны лотосов.

При моем появлении женщины поднялись и поприветствовали меня.

- Чаонинг Киара.

Я так же сложила руки, здороваясь, тут же подмечая, что уже много бутонов лотосов было сложено.

Это старинная традиция в Азии, особенно в Сиаме и Лаосе, срывать еще не распустившиеся бутоны лотосов, и затем складывать их лепестки. Кропотливый труд, в котором нужна нежность тонких женских пальцев. Мне, если честно, никогда не хватало терпения сложить лепестки красиво, и мама, а затем Пея, всегда помогали мне.

Нянюшка положила передо мной поднос, и я начала складывать свой первый цветок. Пахло листвой и илом, жужжали насекомые. Мы сидели в тени деревьев. С реки набегал легкий ветерок и развивал мои распущенные волосы. Через какое-то время мои пальцы затекли, белые лепестки не слушались, и никак не хотели складываться, так как я задумала.

- А! Больше не могу! - воскликнула я раздражено, бросая цветок. - Не хочу этим заниматься.

Пея сдвинула брови в ее глазах читалось неодобрение.

- Мы не можем делать только то, что хотим, госпожа, - проговорила она.

- Чаонинг, позвольте, я вам помогу? - подсела ко мне Парамит. - Смотрите, зеленые лепестки надо загибать внутрь, следующие уже наружу. Попробуйте вместе со мной, госпожа.

Я внимательно наблюдала за пальчиками Парамит, пытаюсь повторить за ней. И у меня получилось, пускай не столь аккуратно, как у нее, но все же.

Сложенные лотосы ровно обрезают, привязали к палочкам и обернули широкими зелеными листьями. Получились красивые букеты.

- Почему ты так испугалась этого господина Конга сегодня утром? - спрашиваю тихонько Парамит на французском, чтобы большинство не могло нас понять.

При этом вопросе красивые глаза Парамит снова погрузнели.

- Жестокий он, госпожа. Словно дикий шакал.

- Он обижает тебя?

Качает головой.

- Нет. Он...Прошу, чаонинг, не обращайтесь внимания, - вдруг испугалась она, пересаживаясь от меня.

Как только все букеты были готовы, женщины понесли их на подносах к деревянному причалу. Мы опустились на колени и стали ждать. Вот-вот покажется лодка монаха, направлявшегося в храм, ему и предназначались цветы в качестве подношения.

- Ох, забыла еще один поднос с цветами! - всплеснула руками Пея. Лодка приближалась.

- Я сбегая, нянюшка, - говорю, вставая, и побежала к тому месту под деревьями, где мы делали букеты. Увидела оставленный поднос с лотосами. Взяла его и хотела уже было направиться обратно, но тут кто-то встал у меня на пути.

Я подняла глаза, и так замерла. Передо мной стоял Эдвард Фейн и улыбался.

Он был без шляпы. Вечерний свет лежал на его волосах, скулах и воротнике светлого костюма. Лицо его казалось еще более четким, чем я запомнила, а серые глаза смотрели с тем самым вниманием, от которого у меня снова сбилось дыхание.

Он перевел взгляд на поднос у меня в руках, потом на мое лицо и чуть улыбнулся.

— Кажется, мы снова встретились, — сказал он по-французски.

Дрожь охватила меня всю с головы до ног. Поднос с цветами упал из моих рук. Я отвернулась, накрыв голову концом сари.

— Разве мы не знакомы? - слышу его голос совсем рядом. — Почему прячешься?

О великий Будда! Я пропала. Как он здесь оказался? Что делать? Бежать! Точно!

Я хотела было броситься прочь, но Эдвард схватил меня за предплечье и развернул к себе.

— Я полагаю, нам пора познакомиться, - улыбается, и опускает шарф с моего лица.

Сколько будет продолжаться это недоразумение? Дольше скрывать от него, кто я есть на самом деле бессмысленно, иначе я разрушу ту симпатию, что возникла у него ко мне.

— Благодарю, месье, - наконец отвечаю я на английском.

Эдвард замирает, пораженный.

— Вы говорите по-английски?

— Да.

От стыда боюсь поднять на него глаза, страшно представить, что он думает теперь обо мне.

- Прошу прощения, месье, что в первую встречу ввела вас в заблуждение, - начинаю я, теребя сари. - Я находилась в состоянии шока после нападения тигра.

Некоторое время Эдвард внимательно рассматривал меня с головы до ног.

На мгновение мне захотелось провалиться сквозь землю.

Он смотрел на меня слишком внимательно и слишком долго.

Потом сказал очень спокойно:

— Вам не за что извиняться. После такого потрясения вы никому ничего не были должны объяснять.

Он отпустил край подноса и слегка поклонился.

— Позвольте представиться как следует. Эдвард Фейн.

Я сделала легкий поклон.

— Киара, — ответила я. Потом, понимая, что отступать уже поздно, добавила: — Киара Марэ.

Смотрю на него, и вижу, как лицо его меняется, особенно выражение серых глаз. Что-то пробегает в них, незаметное, едва уловимое. Какой-то холод.

— Вы младшая дочь мистера Эдмонда Марэ?

— Да.

Наступила короткая пауза.

— Мистер Фейн, — проговорила я, не выдержав молчания, — надеюсь, я не оскорбила вас.

Он улыбнулся. Улыбка была безукоризненно вежливой.

И от этого мне стало еще тревожнее.

— Нет, мисс Киара. Разумеется, нет. Вчерашнее происшествие было достаточно тяжелым, чтобы не требовать от вас соблюдения всех правил знакомства. Как ваша нога?

Слишком ровный голос. Слишком выверенный.

— Намного лучше, благодарю.

— Куда нести поднос? - спрашивает Эдвард.

Ох, совершенно забыла о подношении! Пея будет недовольна.

— К причалу.

— Тогда позвольте, я провожу вас.

И мы пошли по траве в сторону реки вдоль кустов, усыпанных душистыми персиково-белыми цветами. Лодка с монахами как раз подплыла, когда мы спустились по деревянным ступеням. Другие лао, завидев Эдварда, засмутились и начали без конца кланяться. Пея

тоже сложила руки в приветствии, но сразу нахмурилась. Едва подносы с букетами преподнесли монахам, она подскочила ко мне, готовая, как и вчера спасти меня от этого господина.

— Все хорошо, Пея, — успокаиваю ее, улыбаясь, — мистер Фейн знакомый семьи.

— Да, лао, не беспокойтесь, я не причиню вреда вашей чаонинг, — с задором произнес Эдвард. — С вашего позволения, я же могу проводить мисс Киару до дома?

Пея онемела на мгновение. Эдвард продолжал смотреть на нее, чуть склонившись, ожидая ответа.

— Конечно, господин, — наконец бормочет нянюшка, зардевшись от смущения.

Томительно жаркое солнце сияло на кобальтовом небе, кроны тюльпановых деревьев с крупными оранжевыми цветами, особенно ярко выделялись на его фоне. Эдвард шел рядом со мной, Пея несколько шагов позади.

— Почему вы носите сари, мисс Киара? — спросил наконец он.

Я коснулась складки на плече.

— Моя мать была родом из Индии. Она носила сари всю жизнь и приучила к этому нас с Джией.

Сейчас, находясь рядом с ним так близко, я могла рассмотреть его. Линия челюсти, манера речи, движения, безукоризненность в одежде — все в Эдварде Фейне говорило о его высоком происхождении, в Англии это называлось породой.

— Мисс Джия говорила, что ваша матушка скончалась. Давно ли?

— Да, — ответила я, опуская глаза, — я была совсем ребенком.

Сестра рассказывала мне, что первое время после смерти матери я то и дело уходила спать в ее комнату.

— То сари, в котором я была, когда мы впервые встретились, мама часто носила его в молодости, — пояснила я.

— Понимаю, — Эдвард задумался и потом добавил уже мягче. — Приходит время, мисс Киара, когда надо отпускать ушедших близких людей. Это самое лучшее, что мы можем сделать ради них, и ради самих себя. Надо жить дальше.

— Вы правы, мистер Фейн, — я помедлила. — Вы говорите об этом так, словно тоже кого-то теряли.

— Да, брата, — ответил он, а затем добавил после паузы. — И отца. Они ушли один за другим.

Эдвард произнес это как можно более сухо, но я уловила глубокую печаль за внешней маской холодности.

— Мои соболезнования. Вам было тяжело.

Эдвард улыбнулся, взгляд его был устремлен вдаль на высокий холм.

— Тяжело? Да, полагаю, что так. Но хуже всего пришлось матери, она так и не смогла оправиться от утраты. Горе повредило ее разум.

Он выглядел таким отстраненным, ушедшим в свои мысли, что я едва сдержалась, чтобы не коснуться его плеча.

— Вы сказали мне, что нужно отпускать умерших, чтобы жить дальше. Но смогли ли вы это сделать сами, мистер Фейн? — улыбаюсь я.

На этот раз он повернул голову и посмотрел прямо на меня.

В серых глазах что-то вспыхнуло и тут же погасло.

— Полагаю, — сказал он с безукоризненной учтивостью, — нам лучше поспешить, мисс Киара.

Только теперь я поняла, что снова переступила какую-то невидимую черту. И почему-то это задело меня сильнее, чем следовало бы.

Когда мы подошли ближе к дому, из-за деревьев уже виднелись автомобили гостей.

Я сразу узнала автомобиль Даниэля и кабриолет Эдварда.

— Сегодня утром я повстречал мисс Джию в доме у господина Вилара, и предложил подвезти ее до дома, - объяснил Эдвард.

Нам навстречу вышел бой, и поклонившись, сообщил:

— Господа в саду.

И, обогнув дом по извилистой тропинке, мы направились к беседке, где уже собралось немало людей. Первой увидела нас Джия, и глаза ее тут же расширились.

— Киара, ты все-таки встретила с мистером Фейном, — произнесла она, делая ударение на слове "все-таки". Рядом с ней стоял высокий широкоплечий мужчина с темными с проседью волосами.

— Позволь представить тебе мистера Роя Томпсона, — сказала сестра, указывая на мужчину. - Мистер Томпсон, моя младшая сестра Киара.

Он поклонился с достоинством, но без высокомерия.

— Мисс Киара, приятно познакомиться.

— Как поживаете, мистер Томпсон? — поприветствовала я его.

— Благодарю, все прекрасно. Сегодня чудесная погода, совсем не душно, - улыбнулся американец, потом перевел взгляд на Эдварда. — Мистер Фейн, полагаю?

— Да, совершенно верно, - ответил Эдвард. — Приятно встретиться, мистер Томпсон.

— Я много слышал о вас от сэра Коллинза. Вы ведь играете в поло в следующую среду у губернатора? Я уже сделал ставку на победу вашей команды.

Эдвард улыбнулся.

— Ну что ж, теперь мне не остается ничего иного, как победить.

Мужчины рассмеялись.

Честно говоря, наружность мистера Томпсона потрясла меня. Он и в самом деле не выглядел на пятьдесят два.

Сильная, энергичная фигура, открытый взгляд голубых глаз. Ничего подобного с тем свиноподобным существом, что я рисовала себе при мысли о предполагаемом муже Джии. И чем больше он говорил, тем легче на душе мне становилось. Возможно, эта партия не так уж и плоха. Я посмотрела на Джию. Она спокойно улыбалась, делая вид, что не замечает горячего взгляда, который мистер Томпсон то и дело останавливал на ней.

Томпсон и Эдвард легко нашли общий язык, через пару минут к нам подошел отец.

— А, Фейн, отлично что ты здесь, - начал он сразу. - Позволь узнать, почему ты скрыл от нас всех, что именно твой меткий выстрел убил тигра-людоеда, напавшего на мою Киару? Теперь получается, я у тебя в долгу, а долги я не люблю. Требуя награды.

— Не стоит беспокоиться, мистер Марэ, никакого долга у вас передо мной нет, — отвечал Эдвард максимально учтиво. — И наилучшая награда для меня, зная, что с мисс Киарой ничего не случилось.

Отец хмыкнул, а я зарделась от удовольствия.

— Киара, что это опять на тебе? — нахмурился отец, окидывая красное сари неодобительным взглядом. - Ступай, переоденься немедленно. Европейскую одежду, а не индийские тряпки.

Грубость Эдмонда Марэ явно смутила мужчин, но для нас с сестрой это была обычная форма общения. Приказы отца необходимо сразу выполнять.

— Прошу простить меня, господа, — произнесла я, потупив взор.

— По-моему, мисс Киара выглядит просто обворожительно в сари, — услышала я голос Эдварда. — А вы как считаете, мистер Томпсон?

— Да, юная мисс выглядит словно индийская принцесса, — произнес американец, тепло улыбаясь.

Я посмотрела на сестру, взгляд ее зеленых глаз в сторону мистера Томпсона изменился. Американец заметил это, и несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Я невольно улыбнулась. Похоже, нежное сердечко Джии потихоньку сдается.

Я перевела взгляд на Эдварда, он смотрел куда-то мне за спину. Его маска учтивости исчезла, и вместо нее на лице проступило выражение ледяной ненависти.

Я обернулась, чтобы проследить его взгляд — на широкой террасе, громко смеясь во все горло, стоял Даниэль, а рядом с ним — Джон Картер.

Я похолодела от страха. Я ненавидела Джона Картера.

Глава 7 Непримириемые враги

Я поднялась по широкой тиковой лестнице к себе в комнату, чтобы переодеться.

Но мысли то и дело возвращались к Эдварду Фейну, и к его ледяному взгляду, направленному на Джона Картера или... на моего брата.

Джон Картер был лучшим другом Даниэля и сокурсником по Оксфорду. Он принадлежал к нуворишам, и потому во многие аристократические дома Англии ему был вход заказан, за это он ненавидел всех аристократов жгучей ненавистью.

Они с его отцом, мистером Картером, обладали колоссальными средствами и влиянием, и ничто им не доставляло большего удовольствия, как довести очередную богатую семью до разорения и полного упадка.

Мой отец вел дела с компанией Картера, в этом плане Эдмонд Марэ не отличался брезгливостью. Правда, ему не нравились манеры Джона, но Даниэль уверял, что его друг - славный малый, и потому был частым гостем в нашем доме.

Для нас с сестрой было настоящей пыткой сидеть за одним столом с Джоном Картером. Он жадно любил внимание и не упускал возможность пустить в ход одну из своих неуместных шуточек.

Мороз пробегал по коже каждый раз, когда влажные карамельные глаза Джона Картера останавливались на мне и его тонкие губы растягивались в похотливой усмешке. Я боялась его. Я знала, что такие люди, как он, не умеют любить, они лишь используют всё и всех вокруг, в том числе и женщин, а потом выбрасывают, когда наиграются.

— Нет, - тряхнула я головой, распахивая шкаф, - сегодня я не буду думать о мерзком Джоне Картере.

Тем более мне надо предстать перед Эдвардом во всем великолепии, ведь это будет впервые, когда он увидит меня в европейском платье.

Я торопилась, и после непродолжительных, но весьма мучительных раздумий, остановилась на коротком платье насыщенного зеленого оттенка, словно крона тюльпанового дерева. Благодаря ему мои глаза засияли подобно индийским изумрудам. Щеткой зачесала черный шелк волос на боковой пробор и обхватила резным черепаховым гребнем с одной стороны. Придирчиво взглянула в зеркало. И поспешила вниз.

Шум из сада переместился в гостиную, гостей явно стало больше.

Я искала глазами Эдварда, но его нигде не было. Неужели он ушел? Стараясь не расстраиваться раньше времени, я прошла по широкому коридору, который вел в просторную комнату, куда отец обычно приглашал мужчин для игры в карты.

Из кухни пахло кокосовым маслом и пряностями, впереди слышался смех и веселые разговоры, и среди общего гула я наконец различила голос Эдварда. Значит я не ошиблась, и он действительно там. Пошла быстрее, стуча каблуками о деревянный пол, как вдруг кто-то встал передо мной.

— Киара! – и чья-то рука схватила мое запястье.

Я обернулась и остолбенела. Джон Картер!

— Как же ты хороша, — тут же начал он, беззастенчиво разглядывая меня, так что в какой-то момент мне показалось, что я стою перед ним голой. — Я сегодня звонил вам, просил позвать тебя к телефону, но мне сказали, что ты не дома. Где ты была?

— Тебе-то какое дело? Отойди, - грубо бросила я, высвобождая руку и стараясь обойти его.

Но он снова перегородил мне путь.

— Строишь из себя недотрогу, Киара? – теперь, когда он стоял ближе стало заметно, что он пьян. – Но не долго тебе осталось. Знаешь, о чем я попросил своего отца? Он поможет

твоему отцу восстановить плантацию сахарного тростника, пострадавшую в прошлом году от наводнения. Ты же понимаешь, каких это стоит денег, верно? А взамен я попрошу тебя.

Кровь бросила мне в лицо, еще секунда и я готова была вцепиться в эти мутные, похотливые глаза словно дикая сиамская кошка и выпарапать их.

— Я никогда не выйду за тебя, Картер, - бросаю ему в лицо, вскидывая подбородок, - скорее уж меня разорвут на части кровожадные лесные шакалы.

Гримаса ярости перекосила лицо Джона. Он схватил меня за предплечья и встряхнул с такой силой, что у меня повело перед глазами.

— Такая гордая, да?! – взревел он. – Такая неприступная? Но у всего в этой жизни есть цена, и у тебя тоже есть. А это значит, что я куплю тебя, рано или поздно!

— Пусти! — дернула я руку.

Но он продолжал держать.

— Отпусти ее, Картер, — вдруг произнес кто-то.

Я взглянула через плечо Джона и увидела Эдварда без пиджака в одной рубашке, с закатанными по локти рукавами. Лицо у него было бесстрастное. Только глаза стали темнее, словно серые грозные тучи.

Джон обернулся, и злая насмешка скривила его рот.

— А вот и наш лорд Фейн! Сколько лет, сколько зим.

Эдвард не отвел взгляда.

— Я сказал: отпусти ее.

— Уже отпустил, как видишь.

Джон нарочито поднял руки.

— Или тебе мало?

Я отошла на шаг, стараясь унять дрожь. Всё мое существо было благодарно Эдварду за то, что он появился именно сейчас, и одновременно мне хотелось немедленно исчезнуть, чтобы он не видел ни меня, ни Картера, ни этой унижительной сцены.

Но исчезнуть было уже поздно.

Из соседней комнаты — той самой, где отец обычно разрешал мужчинам играть в карты, — внезапно донесся громкий возглас. Потом второй. Потом звук резко отодвинутого стула.

И в следующее мгновение дверь распахнулась.

На пороге появился Даниэль.

Лицо его было покрасневшимся, глаза лихорадочно блестящими. Он тяжело дышал и смотрел прямо на Эдварда с такой яростью, что мне стало по-настоящему страшно.

— Так вот ты где, — процедил он. — Я искал тебя.

За ним в коридор вывалились еще несколько мужчин, среди них Рой Томпсон, двое французов, какой-то полковник в отставке и один из местных чиновников. Все говорили разом. Воздух мгновенно наполнился жаром, винным духом, раздражением и тем особенным мужским возбуждением, которое всегда предшествует скандалу.

Даниэль шагнул к Эдварду.

— Ты мошенник, — сказал он громко. — Шулер. У тебя не могло быть трех тузов подряд.

Эдвард не двинулся с места.

— Умей проигрывать, Марэ.

Этого оказалось достаточно. Даниэль налетел на него, схватив за рубашку.

— Покажи карты! — кричал он. — Покажи всем! Я знаю таких, как ты — разорившийся лорд, приехавший в колонии ловить удачу за чужой счет!

Эдвард оттолкнул Даниэля, и тот, не удержавшись на пьяных ногах, повалился на пол.

Кто-то выругался. Кто-то шагнул вперед.

А Даниэль, лежа на полу, уже изрыгал новые ругательства, с каждым словом всё менее связные и всё более злобные.

— Ах ты сукин сын... грязный англичанин... думал, можно явиться сюда и...

— Даниэль, замолчи, — сказал Рой уже жестче.

Но Джон Картер, вместо того чтобы помочь остановить его, лениво прислонился плечом к стене и, скривив губы, произнес:

— Оставь, Дэн. Фейны ведь всегда были такими. Порода у них нервная. Что взять с человека, если его мать сошла с ума?

Картер не успел закончить фразу, так как уже повалился на пол от удара кулаком в лицо.

— Хочешь поговорить, Джон? — процедил Эдвард, ярость исказила его черты. Казалось, он сейчас убьет Картера.

— Ах ты ублюдок, — вскочил Джон и ударил противника по лицу.

Эдвард пошатнулся, но устоял на ногах. Они схватили друг друга за рубашки.

— А ну прекратить!

Голос отца прогремел так, что перекрыл всех.

— Что это тут вы выдумали делать?! Драться в моем доме? В присутствии моих дочерей? Не позволю! Тут вам не кабак! Что здесь произошло?

Ответил Рой Томпсон.

— Даниэль проиграл мистеру Фейну три партии подряд и обвинил его в шулерстве. Я лично видел карты. Игра была честной. После этого мистер Джон Картер оскорбил мать лорда Фейна.

Отец растеряно кашлянул и подозвал рукой слуг.

— Значит так, этого пьяного недоноска, сына моего, отправить наверх, отсыпаться. А вы господа, — и он перевел взгляд на Джона и Эдварда, — пожмите друг другу руки. Это мой дом, тут мои дочери, и я не позволю оскорблять их таким поведением.

— Сначала мистер Картер должен принести извинения за то, что он сказал, — холодно произнес Эдвард.

Джон упрямо молчал, испепеляя противника взглядом.

— Ну, Картер, давай, — поторопил его отец. — Это не достойно мужчины оскорблять женщину, тем более чью-то мать.

— Приношу свои извинения, — наконец выдавил он из себя, протягивая ладонь.

По лицу Эдварда пробежала брезгливость, смешанная с ненавистью. Он коротко пожал руку Джона и бросил ее. Резко повернувшись, он зашагал к выходу.

Я все это время стояла ни жива, ни мертва с похолодевшими от страха ладонями.

— Мистер Фейн, подождите! — кинулась я за ним. — Прошу вас, не уходите вот так, — еле дышу от переживаний и бега, лицо покраснелось, волосы растрепались, а мне ведь так хотелось показаться ему во всей красе, а получилось все так глупо. Так нелепо.

Он бросил на меня отстраненный взгляд.

— Я думаю, на сегодня мой вечер закончен у вас, мисс Киара, всего хорошего, — произнес он холодно.

Вижу, что он в бешенстве, он зол. Но при чем здесь я? Разве можно уезжать от меня вот так?

— Прошу, позвольте хотя бы позаботиться о вашей ране, — говорю, протягивая руку и слегка касаясь уголка губ.

Он перехватил мое запястье.

— Мне ничего не нужно от вас, Киара Марэ, — бросает холодно.

Он отпустил мою руку, повернулся и пошел к выходу.

Никто не пытался его остановить.

Через минуту во дворе загудел мотор. Я выбежала на веранду как раз вовремя, чтобы увидеть, как его автомобиль разворачивается на аллее и исчезает за деревьями, навстречу густеющим сумеркам.

Я потрясенно и раздавлено смотрела ему вслед.

Этот ледяной взгляд. Этот тон...

Теперь я была уверена лишь в одном – Эдвард Фейн ненавидел меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.